

Исмайлова С. Р., диссертант кафедры уголовного процесса юридического факультета БГУ, член МОПИ ♦

К вопросу о понятии «доказательство»

Представляется, что прежде чем говорить о доказывании, необходимо в первую очередь четко выяснить, как следует трактовать понятие «доказательство». При его определении учеными были высказаны достаточно разноречивые мнения, а суть разногласий в определении понятия «доказательство» заключается в характеристике ключевого понятия «фактические данные», а именно – включает ли оно факты или сведения о фактах, и охватываются ли им средства доказывания и доказательственные факты.

В связи с этим, с нашей точки зрения, необходимо установить соотношение понятий факт, фактические данные, сведения о факте, источники доказательств и доказательство.

В теории доказательственного права высказались точки зрения о недопустимости отождествления доказательств с фактическими данными (2, с. 19-20). Некоторые ученые высказали утверждение, что соотношение между доказательствами и фактическими данными – это соотношение средств и цели. Причем обстоятельства подлежат установлению не с помощью фактических данных, а посредством доказательственных данных, поскольку фактические данные не могут быть тождественны доказательствам, как не может быть тождественной информация о каком-либо объекте самому объекту. Таким образом, делался вывод, что законодатель не проводит различия между процессуальными средствами и целью доказывания в уголовном процессе (3, с. 50).

Ряд ученых понимают под доказательствами и фактические данные,

♦Исмайлова Севиндж Рауф кызы – диссертант кафедры уголовного процесса юридического факультета Бакинского госуниверситета, член МОПИ (Азербайджан). E-mail: sid_legalservices@yahoo.com

устанавливающие или опровергающие соответствующие обстоятельства, и источники, из которых такие данные черпаются (6, с. 64-65).

Рассматривая доказательства как явление, имеющее двухкомпонентную основу, М.С. Строгович писал, что доказательства, во-первых, это те факты, на основе которых устанавливается преступление, виновность или невиновность того или иного лица в его совершении, и иные обстоятельства дела, от которых зависит степень ответственности этого лица. Во-вторых, доказательствами являются те предусмотренные законом источники, из которых следствие и суд получают сведения об имеющих для дела значение фактах и посредством которых эти факты устанавливают (12, с. 288-289). Ученый опять же говорит, в частности, о сведениях, которые должны быть получены субъектами доказывания, так как в противном случае просто не возникает возможности говорить о доказательствах как о фактах, на основании которых устанавливается преступление.

Данная точка зрения, рассматривающая доказательства как неразрывное единство содержания, т.е. фактических данных и процессуальной формы, т.е. источников, в которых такие данные содержатся и из которых органы дознания следствия, прокуратуры и суды их получают, обоснованно, с нашей точки зрения, нашла свое подтверждение в литературе (13, с. 211). При этом термин «источники доказательств» определяется как понятие, которое не является абстрактной конструкцией, лишенной какого-либо реального содержания и значения. Напротив, понятию «источники доказательств» придается большое теоретическое и практическое значение, так как без него невозможно успешное осуществление процесса доказывания по делу (1, с. 42-43).

Рассмотрим, что представляют собой «источники доказательств» с криминалистической точки зрения. Уголовно-процессуальными доказательствами выступают, по сути, продукты отражательных процессов. Это обусловлено тем, что соответствующие знания о фактических обстоятельствах дела субъекты доказывания могут получать лишь путем вычленения фрагмента объективной действительности, т.е. явления, состояния, их части,

выполняющего функцию процессуального источника. Содержательную сторону функционально выделяемого элемента структуры исследуемого источника можно считать криминалистической информацией. Однако, специфика уголовно-процессуального познания заключается, в частности, в том, что правила допустимости предписывают субъекту доказывания использовать в качестве источников не любые следы-отражения исследуемых явлений, которые принципиально могли бы дать необходимую информацию, а только те, которые предусмотрены законом. Это позволяет определить источники процессуальных средств познания как попавшие в сферу уголовно-процессуальной деятельности явления объективной действительности, их состояния, которые потенциально способны в процессе доказывания дать информацию о них самих либо иных обстоятельствах, имеющих значение для установления криминалистической структуры системы «преступление» (7, с. 79-80).

Выделяемое субъектом доказывания состояние процессуального источника в реальных гносеологических отношениях принимает форму соответствующего вида доказательств, а единство относимого содержания и допустимой формы обеспечивает сообщениям сигнальную окраску и статус процессуального средства познания (10, с. 110).

Тем не менее, главным в раскрытии природы доказательства является вопрос о содержании понятия фактических данных. Рассмотренная выше точка зрения, согласно которой в число «фактических данных» могли входить только факты объективной действительности, представляется, недостаточно обоснованной по ряду обстоятельств. Так, факты, на основании которых устанавливается преступление, следует рассматривать как явление объективной социальной действительности. Они существуют независимо от нашего сознания и, соответственно, от сознания того, осведомлены ли о них лица, осуществляющие процесс доказывания.

Нельзя считать доказательством только достоверные знания о событиях реальной действительности, так как достоверность их должна быть

предварительно доказана, а средства, с помощью которых она может быть установлена, не могут быть ничем другим, как доказательствами по уголовному делу.

Исследуя данное понятие, ряд авторов отмечают, что нет оснований для однозначного вывода о том, что «фактические данные» – это только сведения о фактах, или же о том, что «именно сведения о фактах играют решающую роль в процессе доказывания» (12, с. 224). Поскольку логика доказывания предполагает установление и обоснование доказываемых суждений при помощи других, уже доказанных, делается вывод о том, что не только сведения о фактах, но и установленные факты служат средствами познания искомых, еще не установленных обстоятельств. Иными словами, «фактические данные» представляются и как сведения о фактах, и как сами факты (16, с. 12).

Таким образом, возникает уже соотношение трех понятий: фактические данные как совокупность сведений о фактах и самих фактов, источники доказательств и доказательство.

Представляется необходимым установить приоритеты в данных понятиях, а также определить, как же следует трактовать понятие «факт». С нашей точки зрения, факт следует понимать как исследуемое событие, информацию, явление, действие, бездействие, вещь, предмет, то есть как то явление объективной действительности, на которое направлена деятельность субъекта доказывания. Сведения о факте – это полученная информация, при помощи которой мы можем познать факт (5, с. 48-99).

С нашей точки зрения, сведения о фактах должны иметь отношение к предмету доказывания, т.е. быть в состоянии снимать информационную неопределенность по подлежащим установлению фактам - обладать относимостью к делу.

Гносеологическое требование, предъявляемое к содержанию полученных знаний в процессе доказывания, проявляется в том, что оно должно сохранить те сведения, которые присущи и отображению и отображаемому. В противном случае содержательный аспект отображения, то есть информация, не сможет

являться инвариантом оригинала. Соответствие содержания доказательства предмету доказывания обуславливает относимость доказательства и, следовательно, функционирование его в качестве средства познания. Если исходить из того, что доказательство – продукт отражательных отношений между субъектом судебно-следственного познания и источником, несущим специфику исследуемых обстоятельств, то следует признать, что в основе природы относимости процессуального средства формирования знания лежат закономерности передачи и сохранения инварианта, присущего средству познания, процессуальному источнику и оригиналу. Оригиналами же устанавливаемыми в определенном порядке органами дознания, следствия и судом, выступают фрагменты объективной действительности (6, с. 60-61).

В процессе доказывания, осуществляемого на всех этапах борьбы с преступностью, выявляется огромное количество сведений о фактах объективной действительности. Отчленение ненужной информации и, наоборот, установление относимости информации к предмету доказывания является одной из важнейших задач доказывания, поскольку позволяет из установленных фрагментов действительности составить цельную картину совершенного преступления.

Кроме того, относимые к делу сведения о фактах должны быть собраны и закреплены в предусмотренном законом порядке, то есть обладать допустимостью к делу.

Не менее важно, что закон ограничивает использование сведений о фактах в качестве доказательств рядом условий, предъявляемых как к самим фактическим данным, так и к их источникам.

Теперь попытаемся рассмотреть понятие «факт». В философской литературе даются различные его трактовки. Факт – это сами явления, вещи и события; фактом считают наши ощущения и восприятия вещей и их свойств; под фактом понимают неопровержимые теоретические положения, которыми хотят что-то доказать или опровергнуть (15, с. 399).

Возникновение, существование факта не зависит от субъекта познания, познающий изучает то, что уже произошло или существует в действительности.

Каждый факт неповторим, незаменим, уникален в своем роде, так как то или иное явление связано с конкретным местом, временем, индивидуальными признаками. Выделяя то или иное явление в качестве факта, познающий берет некую часть действительности во всем многообразии ее связей и отношений с окружающим миром; каждая связь или отношение характеризуют факт со своей стороны, наделяя его особым свойством. Явление, событие становится фактом в том случае, если его познание необходимо, значимо для решения каких-либо задач, стоящих перед субъектом. Не любое явление становится фактом, а лишь то, которое вычленено из окружающей действительности и вовлечено в сферу познавательной деятельности познающего. В силу отдаленности субъекта от факта пространством-временем он не может исследоваться непосредственно, а устанавливается через промежуточное звено, то есть опосредствованно (4, с. 90-91).

Следует особо подчеркнуть, что в уголовном судопроизводстве речь может идти о разном значении понятия «факт». Можно говорить об искомых фактах, о фактах, которые будучи установленными перестают быть искомыми, о главных и доказательственных фактах, о тех, которые составляют компонент предмета доказывания и тех, при помощи которых предмет доказывания познается. Действительно познанные факты выступают как факты доказательства. В этом можно убедиться путем анализа взаимодействия прямых и косвенных доказательств. Если прямые доказательства непосредственно указывают на искомый факт, то косвенные – через доказательственные факты, образующие в многогранной системе фактов именно факты-доказательства (7, с. 58-59).

Факты-доказательства являются результатом исследования субъекта доказывания. Они могут и должны использоваться в доказывании и являются, по сути, структурными элементами понятийного аппарата деятельности по доказыванию преступлений, то есть доказательственного права, однако элементом понятия «доказательство» они не являются. Факт, признанный

доказанным и, возможно, в свою очередь используемый в логическом доказывании в качестве доказывающего, доказательством не является, а составляет элемент отражения в процессе доказывания (7, с. 77).

Доказательство по своей сути является информацией, вовлекаемой в обсуждение и обоснование определенного тезиса, т.е. а) информацию в обсуждение кто-то должен «вовлечь»; б) обсуждается при этом именно информация, как мыслительная модель или сведения о фактах, а не сами факты, как явления объективной действительности и в) фактические данные – это извлеченные из соответствующих этапу доказывания источников элементы криминалистической системы отражения преступления в материальных средах, показаниях, документах, то есть то, что изучает наука криминалистика. При этом следы отражений материальной структуры преступления и преступного поведения как сведения о них могут быть зафиксированы путем исследования материальных, интеллектуальных либо социальных отражений системы «преступление» (4, с. 90).

С криминалистической точки зрения, факты – это сведения об извлеченных следах-отражениях системы «преступление» как в виде фрагментарных сведений об исследуемых явлениях, событиях, фактах и т.д., так и достоверные сведения о познанных фактах и явлениях. При этом указанные сведения должны быть извлечены субъектами доказывания из надлежащих процессуальных источников и зафиксированы при помощи соответствующих процессуальных норм и правил.

В этой связи возникает проблема расширения источников информации, то есть источников ее извлечения, которые могут быть источниками доказательств на стадии выявления преступлений. Также важно отметить, что законодатель, определяя в качестве источника доказательств, в частности, протоколы оперативно-розыскных мероприятий, предполагает, что деятельность по доказыванию протекает на всех этапах борьбы с преступностью, в том числе и на стадии выявления преступлений. При этом конечная цель доказывания достигается совокупной деятельностью субъектов доказывания на всех этапах

этой борьбы, но полное завершение она находит только в суде, так как только суд может признать человека виновным в совершении преступления.

Рассматривая криминалистическое содержание доказательств, следует отметить, что доказательство представляет собой единство формы и содержания, при котором «фактические данные» т.е. следы отражения криминалистической структуры системы «преступление» в материальных средах, показаниях, документах, служат содержанием доказательства, а процессуальные средства – его формой.

Процессуальная форма доказательств является процессуальной формой фиксации добытых сведений о следах-отражениях системы «преступление» и в то же время устанавливает процессуально допустимые источники доказательств. Однако, как отмечалось, информацию, вовлекаемую в обсуждение и обоснование определенного тезиса, необходимо кому-то «вовлечь» в это обсуждение, то есть совершить совокупность предусмотренных законом определенных действий, направленных на обеспечение перманентного процесса выявления, исследования, проверки, оценки и фиксации искомой информации – элементов криминалистической структуры системы «преступление» – для обеспечения ее должной процессуальной реализации на всех этапах борьбы с преступностью. При этом и содержание, и процессуальный режим деятельности субъектов доказывания будут разными на разных ее этапах.

Оптимизация деятельности по наиболее эффективному обнаружению субъекта, объекта и орудия преступления посредством собирания следов-отражений совершенного преступления является, как известно, прерогативой науки криминалистики. В силу изложенного мы полагаем, что, определяя внутреннюю структуру доказательств, нельзя не учитывать кроме его содержания и формы также и познавательно-коммуникативную деятельность субъекта доказывания, благодаря которой доказательство приобретает свое двуединство формы и содержания.

Таким образом, можно утверждать о трехкомпонентной структуре доказательства, рассматривать понятие которой следует комплексно, то есть с позиции и уголовно-процессуальной науки и криминалистики. На основании этого можно выделить следующие основные компоненты в его структуре: а) это факт как исследуемое событие, информация, явление, действие, бездействие, вещь, предмет и т.д., который: воспринимается подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, свидетелями, исследуется в процессе экспертных изысканий и устанавливается в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий, изучения иных документов и носителей информации; б) представленность исследуемого факта субъекту доказывания, предопределяя тем самым то обстоятельство, что именно указанное свойство доказательства предписывает установление и извлечение субъектами доказывания из должных процессуальных источников необходимой криминалистической информации по результатам произведенных исследований, то есть получение данных о наличии следов-отражений материальной структуры преступления в соответствующих средах – сведений о фактах, которые в результате этой деятельности отражаются в протоколах следственных действий, судебного заседания, оперативно-розыскных мероприятий, иных документах и носителях информации и содержатся в выводах экспертных исследований, а в результате в) оформляются в соответствующую процессуальную форму как компонента исследуемого понятия (6, с. 66-67).

Следовательно, с криминалистической точки зрения доказательство следует рассматривать как элементарный акт доказывания, то есть как единичный акт установления следов-отражений системы «преступление» в форме получения информации о какой-либо части объективной действительности во всем многообразии ее связей и отношений с окружающим миром, извлеченной субъектами доказывания из допустимых процессуальных источников, закрепленных в соответствии с процессуальными нормами и правилами в соответствующих процессуальных формах и необходимых для достижения целей уголовно-процессуального доказывания (9, с. 99-100).

Фактически каждое доказательство направлено на обнаружение, собирание, исследование, фиксацию, оценку и использование информации, содержащейся в следах-отражениях системы «преступление», имеющих значение для реализации указанных выше целей. Особо следует подчеркнуть, что представленность факта субъекту доказывания необходима как для определения относимости исследуемого факта к предмету доказывания, так и для процессуального оформления сведений о фактах согласно процессуальным нормам и правилам.

Представленность фактических данных субъекту доказывания как познавательно-коммуникативная деятельность субъекта доказывания по установлению и исследованию следов-отражений системы «преступление», является связующим звеном между первым и третьим компонентами структуры «доказательство», то есть между исследуемым событием-фактом и процессуальным закреплением сведений о нем, – между формой и содержанием доказательств (10, с. 76-78).

Именно представленность фактических данных субъекту доказывания позволяет выявлять, исследовать, фиксировать и оценивать элементы криминалистической структуры системы «преступление», вовлекая их тем самым в процесс доказывания, так как доказывание преступлений это не только обусловленный нормами УПК процесс сбора, проверки и оценки доказательств, а в первооснове кропотливая работа по их конструированию, то есть выявлению, исследованию, проверке, оценке и фиксации элементов материальной структуры преступления, его следов-отражений, и только потом отождествление ее с уголовно-правовой моделью данного преступления посредством уголовно-процессуальных норм.

Именно представленность исследуемого объекта субъекту доказывания и восприятие этим субъектом полученной информации, трансформирует сведения о фактах в судебные доказательства, т.е. данные об исследуемом событии, относящиеся к предмету доказывания, становятся фактическими данными, запечатленными в процессуальной форме посредством деятельности

субъекта доказывания. Без этой деятельности не был бы обнаружен сам факт, равно как и не было бы возможности исследовать сведения о нем.

Представленность субъекту доказывания, как коммуникативный компонент содержания понятия «доказательство», предполагает, в частности, целенаправленную деятельность субъекта доказывания по получению искомым фактических данных о следах-отражениях криминалистической структуры системы «преступление», а это является, в свою очередь, связующим звеном понятия «доказательство» с понятием «доказывание», с его коммуникативной стороной (4, с. 100-101).

Коммуникативная сторона доказывания заключается в том, что, воспринимая доказательственную информацию как факт, следователь или иной субъект доказывания, в силу своей функции так или иначе мыслит себя частью «познающей системы», звеньями которой являются все должностные лица, осуществляющие познавательную деятельность в уголовном процессе. По нашему мнению, необходимо ввести указанный компонент в структуру процессуального определения понятия «доказательство», указывая на то, что факт, либо сведения о фактах, либо и то и другое должны быть получены субъектом доказывания из соответствующих процессуальных источников.

Кроме того, с нашей точки зрения, следует определить содержание понятия «фактические данные» как «сведения о фактах», представляющие собой криминалистическую составляющую понятия «доказательство», тождественную понятию «следы-отражения совершенного преступления». В этой же связи и понятие «представленность фактических данных субъекту доказывания» следует охарактеризовать как познавательно-коммуникативную, криминалистическую по содержанию сторону понятия «доказательство», направленную на извлечение следов-отражений системы «преступление» не только в виде фрагментарных сведений об исследуемых событиях, фактах и явлениях, но и в виде достоверных сведений о познанной объективной действительности (11, с. 60-61).

Задача доказывания, в частности, состоит в превращении «истины в себе» в «истину для всех», в том числе и для себя. Это достигается надежностью средств извлечения и фиксации фактических данных в виде преобразования сведений о них. Иными словами, задача доказывания заключается в формировании следов-отражений системы «преступление», извлеченных из соответствующих источников (9, с. 98).

Как отмечал И.М. Лузгин, если познание в широком смысле этого слова представляет собой получение знаний о тех или иных предметах и явлениях, то доказывание заключается в обосновании установленных положений, в создании условий для познания тех же обстоятельств другими лицами. Посредством доказывания как бы перекидывается «мостик» от явлений, непосредственно воспринимаемых следователем, к адресату (суду), которому таким образом создаются условия для познания того же явления путем исследования сведений о нем, закрепленным в должной процессуальной форме (8, с. 21-22). Следует добавить, что это «мостик» не только от исследуемого факта к его процессуальному оформлению, то есть к формированию доказательства как такового, но и путь к отождествлению криминалистической модели доказывания преступления, созданной на базе его установленных следов-отражений, с его уголовно-правовой моделью посредством уголовно-процессуальных норм и правил.

При этом под доказательством в ходе реализации процесса доказывания стоит понимать, по нашему мнению, не только доказательства в том смысле, как они представлены в ст. 124 УПК, но и доказательства, характерные для стадии выявления преступлений. И если в первом случае «мостик» перебрасывается от исследуемого факта к сведениям о нем, облеченным в процессуальную форму, характерную для этапов предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовного дела, то во втором случае сведения о фактах имеют форму, характерную для стадии выявления преступлений. Но и в первом и во втором случаях содержательная, то есть криминалистическая, основа доказательств и доказывания остается единой. В

совокупности это деятельность субъектов доказывания по установлению следов-отражений криминалистической структуры системы «преступление», построение на их основе криминалистической модели доказывания и – благодаря тому же «мостику» то есть представленности исследуемого факта субъекту доказывания – процессуальная реализация полученных сведений о фактах в целях достижения уголовно-процессуального познания.

Изложенное позволяет резюмировать, что: а) весь процесс сбора доказательств является одновременно постоянным процессом осуществления доказывания; б) доказательственные факты появляются в результате осуществляемой следователем мыслительной деятельности по доказыванию. Их появление есть результат мысленного решения об относимости установленного факта к выявляемой, создаваемой модели прошлого преступного события; в) каждый новый факт вовлекается в совокупность фактов, являющихся основой для осуществления мыслительной деятельности по доказыванию.

Теперь попытаемся соотнести разработанное нами криминалистическое содержание понятия «доказательство» с его процессуальной формой, закрепленной в УПК Азербайджанской Республики.

Согласно ст. 124 УПК, доказательствами по уголовному преследованию признаются полученные судом или сторонами уголовного процесса достоверные данные (сообщения, документы, предметы), добытые с соблюдением требований уголовно-процессуального законодательства и указывающие, является ли происшествие событием преступления, имеются ли в совершенном деянии признаки преступления, совершено ли это деяние обвиняемым, виновен ли он в его совершении, а также на другие обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения обвинения (14, с. 150-151).

О содержании понятия «достоверные данные» мы указывали выше, рассматривая его в криминалистическом аспекте. Данные – это информация,

поэтому сами по себе документы и предметы не являются таковыми, однако могут быть ее носителями.

Согласно ст. 7.0.4 УПК, уголовное преследование – уголовно – процессуальная деятельность, осуществляемая с целью установления события преступления, изобличения лица, совершившего предусмотренное уголовным законом деяние, выдвижения обвинения, поддержания этого обвинения в суде, назначения ему наказания, обеспечения, в случае необходимости, мер процессуального принуждения (14, с. 8). За исключением положения о поддержании обвинения в суде, данная дефиниция не вызывает особых возражений да и не является предметом нашего исследования.

Однако, утверждение о существовании «доказательств по уголовному преследованию» предполагает наличие и других видов доказательств, поэтому, с нашей точки зрения, словосочетание «по уголовному преследованию» должно быть исключено из текста ст. 124.1 УПК и заменено словами «уголовное дело».

О различии между понятиями «фактические» и «достоверные» мы также отмечали выше, в связи с чем остаемся при мнении о замене слова «достоверные» словом «фактические».

В ст. 124.1.2 УПК говорится об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по делу – о предмете доказывания. В УПК Азербайджанской Республики предмет доказывания определен в ст. 139, однако, представляется, что он не является полным. С нашей точки зрения, в предмет доказывания по делу должны также входить обстоятельства о характере и размере вреда, причиненного преступлением, характеризующие личность обвиняемого, способствовавшие совершению преступления, исключаящие преступность деяния и его наказуемость, влекущие за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания.

Таким образом, криминалистический анализ понятия «доказательство» позволяет нам утверждать, что в статье 124 УПК речь идет не о видах доказательств, а о видах источников доказательств, в связи с чем, по нашему мнению, заглавие данной статьи должно быть изменено.

Кроме того, с нашей точки зрения, подлежат изменению дефиниции перечисленных в ст. 124.2 УПК источников доказательств, а также положения, касающиеся их сути, поскольку они противоречивы, а в ряде случаев, и неверны.

Так, согласно ст. 124.2 УПК, в качестве доказательства в уголовном процессе принимаются показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля. Согласно ст. 126.1 УПК, показаниями признаются устные и письменные сведения, полученные от подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетелей органом, осуществляющим уголовный процесс, в установленном УПК порядке.

По логике законодателя, эти сведения будут иметь доказательственное значение только в случае соответствия требованиям ст. 124.1.2 УПК, а противная информация, в том числе и алиби, к таковым относиться не будет, т.к. доказательства невиновности как таковые, из процесса исключены.

Согласно ст. 126.2 УПК, доказательством могут быть признаны только те показания, которые основаны на сообщениях и выводах лица, непосредственно воспринимавшего событие, его причины, характер, механизм и развитие. Представляется, что подобное утверждение сводит доказывание до примитивного уровня, поскольку исключает сам процесс его производства: поиск доказательственной информации от одного источника до другого и далее.

Это же относится и к положениям ст. 126.3 УПК, согласно которым в качестве доказательств не могут быть использованы сведения, переданные органу, осуществляющему уголовный процесс с чужих слов.

Исключением являются «...сведения, полученные со слов умершего лица», что также представляется неверным, поскольку противоречит понятию доказательства. С нашей точки зрения, в данном случае главным является достоверность полученных данных при получении их законным путем, а не источник доказательства. Тем более, что показания в качестве таковых в законе значатся.

Кроме того, представляется неверным упоминание органа, осуществляющего уголовный процесс, а не конкретных участников уголовного процесса, что не одно и то же.

Как известно, показания получают путем допросов, которые производит следователь или иной компетентный участник процесса. Согласно ст. 125.2.5 УПК, противное относит доказательства к недопустимым.

Дефиниция понятия «вещественные доказательства» (ст. 128.1 УПК) представляется неполной, поскольку в ней отсутствует положение о предметах, служивших орудиями преступления.

Кроме того, с нашей точки зрения, не может быть основанием недопустимости доказательства его ненадлежащее описание, опечатание и т.п., не повлиявшие на свойства предмета.

В качестве источника доказательств в законе (ст. 124.2.4 УПК) названы протоколы следственных и судебных действий, в числе которых протоколы осмотра, обыска, допроса, очной ставки, проверки показаний на месте и другие (ст. 134 УПК).

По логике законодателя получается, что доказательствами одновременно являются и показания и протоколы, в которых они записаны, что подтверждает наше утверждение о существовании видов источников доказательств, а не доказательств.

Согласно ст. 134.1 УПК, протоколы следственных действий и судебного заседания являются документами, составляемыми в соответствии с УПК в письменной форме и подтверждающими непосредственное восприятие органом, осуществляющим уголовный процесс, обстоятельств, имеющих значение для уголовного преследования.

В тоже время, в ст. 135 УПК предусмотрен еще один вид источников доказательств – иные документы, под которыми признаются любые записи на бумажном, электронном или ином носителе, содержащие в себе сведения в буквенных, цифровых, графических или иных знаках, которые могут иметь значение по уголовному преследованию.

Представляется, что оба этих источника доказательств одинаковы по сути, а если исходить из того, что каждый документ, имеющий значение для дела, подлежит осмотру с составлением протокола, то получается, что одна и та же информация (данные) будет выступать в трех ипостасях. На самом же деле мы будем иметь три источника одного доказательства.

Библиография

1. Афанасьев И.Г. Доказывание и доказательства в уголовном процессе. Свердловск, «Темп», 2006.
2. Ваганькин Р.Р. Проблемы доказывания и доказательств. Караганда, Ритм, 2007.
3. Громов Н.А. Понятие доказательств в уголовном судопроизводстве // Журн. рос. права. 1998. № 3. с. 48-52.
4. Зайков Р.С. Доказательства в уголовном процессе. М., Свет, 2007.
5. Исмаилова С.Р. Проблемы формирования внутреннего убеждения, Научно-юридический журнал, Ганун, № 10 (174), Баку, 2008, с. 98-103.
6. Карагенцев К.И. Доказательства в уголовном процессе. Тверь, Мысль, 2006.
7. Кригер А.Н., Барсуков А.И. Доказательства и доказывание. М., Мысль, 2006.
8. Лузгин И.М. Расследование как процесс познания. М., 1969.
9. Лукавин И.П., Лукавин Н.И. Доказывание и доказательства в уголовном процессе. Краснодар, старт, 2007.
10. Одинцов С.И. Доказательства: сборание и оценка. Пятигорск, Свет, 2007.
11. Снегирев И.П. Доказывание в уголовном процессе. Казань, «Ишыг», 2006.
12. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968, т.1.
13. Теория доказательств в советском уголовном процессе/Под ред. Н.В. Жогина. М., 1973.
14. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджана. Баку: ЮЛ, 2001.
15. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. М.: Политиздат, 1981.
16. Эйсман А.А. Логика доказывания. М., 1971.